

РАЗВИТИЕ АНТРОПОЛОГИИ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

ЕВРАЗИЯ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

ХЛОПОВ ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ

кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

Email: rggu2007@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ политики Турции в отношении евразийских энергетических трубопроводных маршрутов начиная с периода после окончания «холодной войны», состояние турецких энергетических отношений с Россией, Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном, определена роль Евразии для энергетической безопасности Турции в контексте взаимозависимости Турции со странами-поставщиками энергии. Автор утверждает, что Турция стремится к балансу между ЕС и Россией для достижения своих целей в реализации своей концепции энергетической безопасности.

Ключевые слова: энергетическая политика, углеводородные ресурсы, транспортные маршруты, Евразия Турция, Россия.

EURASIA IN TURKEY'S ENERGY POLICY

OLEG KHLOPOV

PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Regional Studies Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Email: rggu2007@rambler.ru

ABSTRACT

The article presents an analysis of Turkey's policy regarding Eurasian energy pipeline routes since the end of the Cold War, the state of Turkish energy relations with Russia, Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan, the role of Eurasia for Turkey's energy security in the context of Turkey's interdependence with supplier countries energy. The author argues that Turkey seeks for a balance between the EU and Russia in order to achieve its goals in implementing its concept of energy security.

Keywords: energy policy, hydrocarbon resources, transport routes, Eurasia Turkey, Russia.

Трубопроводная политика и политэкономия нефтегазовых проектов стали неотъемлемой частью внешнеполитического курса Турции начиная с 1990-х гг. Энергетически богатые страны региона Каспийского моря - Казахстан, Азербайджан и Туркменистан - стали новыми участниками энергетической геополитики, предоставили новые возможности для инвестиций в начале постсоветского периода. Их энергетические ресурсы стали важны для диверсификации, обеспечения безопасности и стабилизации мировых поставок энергии на международные рынки. Транспортные энергетические маршруты стала частью внешнеполитического курса Турции на адаптацию ее к изменившимся стратегическим условиям в контексте постбиполярного периода. Турция нацелена на то, чтобы стать энергетическим коридором и центром (хабом) транспортировки нефти и газа каспийского и ближневосточного регионов на европейские рынки.

Турция импортирует около 74% своей энергии, при этом на нефть и природный газ приходится 60%. Распределение турецкого импорта нефти и природного газа из стран между 2005–2017 гг. демонстрируют, что Россия в 2017 г. по-прежнему имеет самую высокую долю в импорте природного газа (28,690 млн. куб) и занимает третье место в импорте нефти (2,07 млн.т., после Ирана - 1,49 млн.т и Ирака - 7,05 млн.т).

Иначе говоря, Турция импортировала 82% своих поставок

природного газа только из трех страны, а именно Россия, Иран и Азербайджан, и 73% импорта нефти были преимущественно из двух стран - Ирана и Ирака в 2017 г. Азербайджан остается важным альтернативным поставщиком природного газа, в то время как российский природный газ экспорт по-прежнему имеет решающее значение для энергетической безопасности Турции в среднесрочной перспективе.

Азербайджан по-прежнему занимает третье место среди турецких поставщиков природного газа, хотя у него нет значительной доли в турецком импорте нефти. Казахстан имеет стабильную долю и занимает шестое место в десятке крупнейших поставщиков нефти в Турцию, в то время как Туркменистан не имеет доли в турецком импорте нефти или природного газа. По состоянию на 2017 г. в тройку лидеров по объему импорта природного газа в Турцию входят Россия (52%), Иран (17%) и Азербайджан (12%), а все три страны импортируют газ в Турцию по трубопроводам. В том же году в тройку стран-лидеров импорта нефти в Турцию вошли Иран (45%), Ирак (28%) и Россия (8%), а Казахстан занимает шестое место с долей 2% в общем объеме импорта нефти.

Внешнеполитическая повестка Турции для Евразии в 1990-х гг. была сосредоточена на борьбе постсоветских тюркских государств за укрепление своей независимости во время процесса государственного строительства. «Трубопроводная» политика стала важным аспектом

внешней политики Турции с точки зрения не только построения энергетического коридора «Восток-Запад», но также была направлена на поддержание экономического развития постсоветских тюркских государств в течение 1990-х гг.

Обзор научной литературы по изучаемой теме показывает, что в научно-академических кругах идут дискуссии относительно роли и места Турции как транзитного государства, поставщика и потребителя энергетических ресурсов Евразии и стран Ближнего Востока. Последние события привели к возникновению ряда кризисов на Ближнем Востоке, разбалансировки механизма стратегической стабильности, к новой расстановки геополитических сил на Ближнем Востоке и Средней Азии, что ставит под угрозу существующие транспортные маршруты энергоресурсов.

Эти исследования сосредоточить внимание не только на усилиях Турции, чтобы стать региональной державой с точки зрения ее материальных возможностей и национальных интересов [5], но и также институционализации идеи «тюркского мира» во внешней политике Турции [11]. Геополитические дискурсы внешнеполитических элит изображают Турцию с гибридной идентичностью и ограниченностью [12],[14], как государство, занимающее промежуточное положение как на Западе, так и на Востоке с часто используемыми метафорами, такие как «мост» и «перекресток». Эти концептуальные

конструкции также имеют отношение к энергетической политике Турции.

Например, концепция национальной идентичности Турции как лидера евразийского региона и модельная страна для более широкого соседства в контексте ее членства в НАТО и процесса вступления в ЕС отражены в работах турецких экспертов Эрсен [4], Кинасюгл, Гурцель [10].

Используя традиционный геополитический подход, можно понять, какие геополитические факторы влияют на роль Турции в меняющейся энергетической геополитике Евразии и каким образом эти геополитические факторы усиливают или ослабляют цель Турции, которая будет восприниматься другими как региональный энергетический центр (хаб).

Внешняя политика Турции в отношении богатых энергоресурсами стран Евразии в 1990-е гг. развивалась в контексте окончания «холодной войны» и распада СССР. Образование новых независимых постсоветских государств в Евразии с мусульманским населением, где Турция ранее имела лишь незначительное влияние или не имела активного участия, предоставили политической элите историческую возможность проводить самостоятельную внешнюю политику. Появились также новые угрозы, такие как политическая нестабильность и этнические конфликты у границ Турции. Некоторые исследователи подчеркивали необходимость для

Турции реагировать на изменения, произошедшие в международной системе и принять участие в формировании нового баланса сил в регионе [8]. Кавказ и Центральная Азия стали зонами интересов и активности и геополитической переориентации внешней политике Турции [1].

В течение 1990-х гг. Турция переопределяла свои стратегические интересы также под влиянием «идейных предпринимателей». Идея «тюркского мира», отстаиваемая националистически ориентированными бизнесменами и официальными и неофициальными лицами, лоббирующие сближение тюрков в новую эпоху, была встроена во внешнюю политику в течение 1990-х гг. и позже устойчиво институционализируется в 2000-х гг. [11, с 228–236].

Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), который стал важным проектом для внешней политики Турции, Азербайджана, Грузии и США, был завершен, несмотря на смену правительств этих стран с 1991 по 2006 гг. [6]. Энергетические ресурсы региона Каспийского моря стали важны не только ввиду растущей потребности ЕС в импортируемой энергии. Возникли дебаты относительно энергетической безопасности в ЕС в начале 2000-х гг., необходимости диверсификации транспортных коридоров на фоне прогнозов о росте его зависимости от импортируемой энергии до 70% к 2030 г.

Хотя геостратегическое расположение Турции дает ей статус политически стабильного

транзитного государства для альтернативных маршрутов трубопроводов и диверсификации поставок газа в ЕС, планы по Транскаспийскому газопроводу были заблокированы из-за спора о правовом статусе Каспийского моря.

Например, договор о купле-продаже природного газа между Турцией и Туркменистаном был подписан в 1999 г., но проект был остановлен, ввиду разногласий по демаркации Каспийского моря среди прибрежных государств, а также выхода многонациональных энергетических компаний из страны из-за авторитарного правления покойного президента Туркменистана Сапармурата Ниязова.

Поэтому церемония открытия трубопровода БТД в июле 2006 г. стала важной вехой для внешней политики Турции не только для ее стратегических усилий стать «мостом» и «энергетическим коридором», транспортирующим нефтегазовые ресурсы Каспийского региона на европейские рынки, а также для национальной концепции идентичности Турции как лидера тюркской Евразии.

Введение в эксплуатацию газопроводов Баку-Тбилиси-Эрзурум (БТЭ) в марте 2007 г. и Турция-Греция-Италия (ТГИ) в ноябре 2007 г., позволили начать экспорт азербайджанского газа в Европу. Первые трубопроводные проекты (БТД, ТКИ, БТЭ ВТС), были успешными с точки зрения обеспечения доступности через новую инфраструктуру для не имеющих выхода к морю каспийских нефтегазовых ресурсов.

Акцент на трубопроводной политике во внешней политике Турции на протяжении 1990-х гг. в первую очередь содействовал региональной взаимозависимости между Турцией со странами Каспийского региона, когда большее внимание стало уделяться тому, чтобы Турция превратилась в энергетический центр (хаб), а не была просто транзитным государством.

Проект «Nabucco» был запланирован как основной трубопровод для транспортировки большего количества газа из регионов Каспия и Ближнего Востока, чтобы уменьшить зависимость ЕС от российского газа. Межправительственное соглашение по трубопроводу «Nabucco» было подписано в июле 2009 г. Основной задачей проекта был доступ к дополнительным ресурсам газа из Туркменистана и, возможно, из Ирака, Ирана и Египта.

После двух российско-украинских газовых кризисов (2006 и 2009) и российско-грузинской войны августа 2008 г., трубопровод «Nabucco» стал рассматриваться как флагманский проект южного газового коридора ЕС, предложенный Комиссии ЕС [11]. Тем временем Турция начала переговоры о вступлении в ЕС в 2005 г. и политические элиты Турции сделали ставку на приоритет проекта «Nabucco».

Энергетическая стратегия Турции 2009 г. отражает нормативные принципы региональная взаимозависимость, четко указывая на потенциальные возможности для углубления

регионального сотрудничества, содействие экономическому и социальному развитию стран Каспия, либерализация внутреннего энергетического рынка в соответствии с гармонизацией законодательства Турции с законодательством ЕС.

Однако медленный прогресс в переговорах о вступлении Турции в ЕС способствовал использованию энергетической безопасности в качестве инструмента во внешней политике Турции, чтобы продвигать экономические выгоды членства Турции в ЕС [9], подчеркивая ее геополитическое положение и политическую стабильность в качестве надежного транзитного государства альтернативных газопроводов из Евразии и Ближнего Востока.

Несмотря на политическую волю правительств Турции и Азербайджана, глобальный финансовый кризис 2008-2009 гг. подорвал инвестиционные перспективы дорогостоящего проекта «Nabucco». В результате Трансанатолийский проект - трубопроводное соглашение между Азербайджаном и Турцией заменил проект «Nabucco» в декабре 2011 г. Таким образом, с момента завершения ВТС и ВТЕ произошли некоторые изменения в концепции политической элиты относительно энергетической безопасности Турции в соответствии с новыми событиями на внутреннем энергетическом рынке и геополитическими изменениями на Ближнем Востоке [7].

Однако энергетические аспекты внешней политике Турции стали

меняться начиная с 2010 года ввиду социальных и политических потрясений на Ближнем Востоке на фоне событий в Сирии и Ираке и постепенного сближения Турции с Россией и Ираном.

Новые энергетические сделки Турции с Россией с 2010 г. являются показательными примерами для дальнейшего выяснения источников взаимозависимости между Турцией и ее энергетикой поставщиками в Евразии. В контексте меняющейся геополитики соседство и «асимметричную взаимозависимость» Турции с Россией нельзя полностью объяснить материальными интересами или действиями по стратегическому перебалансированию в свете участия США и России в военных операциях в Сирии.

В мае 2010 г. было подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве по строительству и эксплуатации атомной электростанции на участке Аккую на Средиземноморском побережье Турции. В декабре 2011 г. Турция также одобрила проект «Южный поток» - транзитный трубопровод через исключительную экономическую зону Турции по дну Черного моря в болгарский порт Варну сразу после подписания соглашения TANAP с Азербайджаном. Антимонопольное расследование Комиссии ЕС, начатое в сентябре 2012 г. против Газпрома, косвенно повлияло на решение России отменить проект «Южный поток» и перенаправить газопровод в Турцию [3]. Так, между Россией был подписан меморандум о взаимопонимании и

Турция построят так называемый газопровод «Турецкий поток».

Инцидент со сбившим Турцией российским истребителем на турецко-сирийской границе в ноябре 2015 г. представил серьезную проблему для внешней политики и энергетической безопасности Турции. Был повышен уровень неопределенности для Турции с учетом высокой доли поставок природного газа из России в Турцию. Хотя Россия ввела жесткие санкции против Турции, такие как ряд ограничений на торговлю, не было никаких сбоев в экспорт российского газа в Турцию. Тем не менее, переговоры между Турцией и Россией по проекту газопровода «Турецкий поток» были приостановлены в декабре 2015 г. а «Газпром» отменил скидку на цену природного газа для турецких компаний с января 2016 г.

Кризис между Россией и Турцией окончательно закончился, когда президент Эрдоган направил письмо президенту России В.Путину в июне 2016 г., в котором Эрдоган выразил соболезнование, он назвал Россию другом и стратегическим партнером. Российско-турецкие отношения заметно улучшились после попытки переворота против правительства Турции в июле 2016 г. Межправительственное соглашение по «Турецкому потоку» было подписано в октябре 2016 г. в дополнение к другим соглашениям, направленным на увеличение темпов строительства ядерной электростанции и предоставлении скидки на цену газа для Турции.

Спрос Турции на энергоносители и природные

ресурсы растет из-за экономического роста и роста населения. В последние годы в Турции отмечен самый быстрый рост спроса на электроэнергию среди членов ОЭСР, причем ежегодные темпы роста с 2002 г. составляют 5,5%. Ожидается, что потребление энергии в Турции увеличится на 50% в течение следующего десятилетия. По состоянию на июль 2019 года Турция установила 90,4 ГВт установленной мощности, что представляет собой трехкратное увеличение за 15 лет.

Сегодня через территорию Турции проходят следующие газопроводы: 1) газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум (БТЭ), 2) газопровод Турция-Греция (ITG), 3) Турецкий поток Западный маршрут (Россия Турция), 4) газопровод «Голубой поток» Россия-Турция, 5) Иран - Турция (Восточно-анатолийский газопровод 6) Трансанатолийский газопровод. Открытие первой линии запланировано на конец 2019 г. «Турецкий поток» (Россия-Турция). Текущие нефтепроводы: нефтепровод Киркук-Юмурталык (Нефтепровод Ирак-Турция, нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД).

Двумя основными характеристиками энергетических рынков Турции являются растущий спрос на энергоносители и зависимость от импорта. Турция, в соответствии со своей местной и национальной энергетической стратегией, предпринимает необходимые шаги для уменьшения этой зависимости.

Основными элементами энергетической стратегии Турции являются следующие направления и принципы. 1) Принимая во внимание растущий спрос на энергию и зависимость от импорта, расстановка приоритетов в деятельности, связанной с безопасностью энергоснабжения; 2) В контексте устойчивого развития уделяется должное внимание проблемам окружающей среды на всем протяжении энергетической цепочки; 3) Повышаются эффективность и производительность энергетической промышленности посредством реформ и либерализации. 4) Расширяются исследования и разработок в области энергетических технологий.

Благодаря применению этих четырех основных принципов Турция стремится к достижению следующих целей: диверсификация маршрутов поставок и источников импортируемой нефти и природного газа; 2) увеличение соотношения местной и возобновляемой энергии в энергетической структуре турецкой экономики; 3) повышение энергоэффективности; 4) развитие ядерной энергетики [13].

Усиление централизованного политического управления Турции после референдума о новом президентской системы в апреле 2017 г, последующие президентские выборы в июне 2018 г. продолжают оказывать влияние на трансформацию мировоззрения политического руководства и самооценку идентичности Турции, ее места и роли в регионе и мире.

Растущий националистически-консервативный дискурс президента Эрдогана задает тон для внешних отношений Турции, возрождение евразийской ориентации во внешней политике Турции. Энергетическая политика Турции направлена на улучшения диверсификации источников энергоресурсов и увеличения доли возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии, чтобы обеспечить долгосрочные структурные изменения в балансе энергопотребления.

Представлен анализ политики Турции в отношении евразийских энергетических трубопроводов начиная с 1990 гг., характер энергетических отношений Турции с Россией, Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном, показывает, что Евразия остается важным регионом для внешней и энергетической политики Турции. Можно утверждать, что не только стратегические интересы, но также изменения в восприятии

политическим руководством Турции важны для понимания и объяснения энергетической политики Турции в Евразии. Расположенная стратегически между двумя континентами, Турция стремится стать международным центром и транзитным коридором природного газа и нефти, одновременно улучшая свою энергетическую безопасность. Внутренний турецкий спрос и регулирование рынка, существующие и новые источники предложения определяют цели энергетической стратегии Турции. Турция может стать важным игроком в транзите природного газа - стать центром российского газа через западную часть страны, а также может стать центром для импорта и транзита газа из Центральной Азии и Ближнего Востока. Результат зависит от внутренних решений, связанных с экономикой транспортировки природного газа и политическими событиями в Турции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aydın . M. Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus // Turkish Studies. 2011, № 2. Pp. 1–22
2. European Commission. Annex to Green Paper – A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy – Background Document. 2006, March.- URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/05d9d652-fc17-4cd2-aa96-f542fa7967b1/language-en> (дата обращения 20.10.2019).
3. European Commission. Antitrust: Commission Opens Proceedings against Gazprom. 2012, September 4. URL http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-937_en.htm (дата обращения 25.10.2019).
4. Erşen E. The Evolution of 'Eurasia' as a Geopolitical Concept in Post-Cold War Turkey // Geopolitics. 2013. № 18. Pp. 24–44.
5. İpek P. Ideas and Change in Foreign Policy Instruments: Soft Power and the Case of the Turkish International Cooperation and Development Agency (TIKA) // Foreign Policy Analysis. 2015 (11), №2. Pp. 173–193.

6. İpek P. The Aftermath of Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Challenges Ahead for Turkey // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2006 (11). №. 1 (Spring). Pp. 1–17.
7. İpek P. The Role of Energy Security in Turkish Foreign Policy (2004–2016). In *Turkish Foreign Policy: International Relations, Legality and Global Reach*, edited by Pinar Gozen, 173–94. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2017.
8. Karaosmanoğlu A. The Evolution of the National Security Culture and the Military in Turkey // *Journal of International Affairs*. 2000, (54), № 1 (Fall). Pp. 199–216.
9. Kardaş Ş. Geo-strategic Position as Leverage in EU Accession: The Case of Turkish-EU Negotiations on the Nabucco Pipeline // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2011 (11), № 1. Pp.35–52.
10. Kınacıoğlu M., Aylin G. . Turkey's Contribution to NATO's Role in Post-Cold War Security Governance: The Use of Force and Security Identity Formation. // *Global Governance* . 2013, № 19. Pp. 589–610.
11. Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the Rise of the 'Turkic World' in Turkish Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2017 (13), № 3. Pp. 722–740.
12. Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the Rise of the 'Turkic World' in Turkish Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2017 (13), № 3. Pp 722–740.
13. Rumelili B., Rahime S. Brand Turkey: Liminal Identity and its Limits // *Geopolitics*. 2017 (22), №. 3. Pp. 549–570.
14. Turkey's Energy Profile and Strategy. [Электронный ресурс] // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. - URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkeys-energy-strategy.en.mfa> (дата обращения: 15.10.2013).
15. Yanık L. K. Constructing Turkish 'Exceptionalism': Discourses of Liminality and Hybridity in Post-Cold War Turkish Foreign Policy // *Political Geography*. 2016 30, № 2. Pp.80–89.

REFERENCES

1. Aydın . M. Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus // *Turkish Studies*. 2011, № 2. Pp. 1–22
2. European Commission. Annex to Green Paper – A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy – Background Document. 2006, March.- URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/05d9d652-fc17-4cd2-aa96-f542fa7967b1/language-en> (data obracheniay 20.10.2019).
3. European Commission. Antitrust: Commission Opens Proceedings against Gazprom. 2012, September 4. URL http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-937_en.htm (data obrasheniya 25.10.2019).
4. Erşen E. The Evolution of 'Eurasia' as a Geopolitical Concept in Post-Cold War Turkey // *Geopolitics*. 2013. № 18. Pp. 24–44.

5. İpek P. Ideas and Change in Foreign Policy Instruments: Soft Power and the Case of the Turkish International Cooperation and Development Agency (TIKA) // *Foreign Policy Analysis*. 2015 (11), №2. Pp. 173–193.
6. İpek P. The Aftermath of Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Challenges Ahead for Turkey // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2006 (11). №. 1 (Spring). Pp. 1–17.
7. İpek P. The Role of Energy Security in Turkish Foreign Policy (2004–2016). In *Turkish Foreign Policy: International Relations, Legality and Global Reach*, edited by Pinar Gozen, 173–94. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2017.
8. Karaosmanoğlu A. The Evolution of the National Security Culture and the Military in Turkey // *Journal of International Affairs*. 2000, (54), № 1 (Fall). Pp. 199–216.
9. Kardaş Ş. Geo-strategic Position as Leverage in EU Accession: The Case of Turkish-EU Negotiations on the Nabucco Pipeline // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2011 (11), № 1. Pp.35–52.
10. Kınacıoğlu M., Aylin G. . Turkey's Contribution to NATO's Role in Post-Cold War Security Governance: The Use of Force and Security Identity Formation. // *Global Governance* . 2013, № 19. Pp. 589–610.
11. Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the Rise of the 'Turkic World' in Turkish Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2017 (13), № 3. Pp. 722–740.
12. Köstem S. When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the Rise of the 'Turkic World' in Turkish Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2017 (13), № 3. Pp 722–740.
13. Rumelili B., Rahime S. Brand Turkey: Liminal Identity and its Limits // *Geopolitics*. 2017 (22), №. 3. Pp. 549–570.
14. Turkey's Energy Profile and Strategy. [Electronniy resurs] // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. - URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkeys-energy-strategy.en.mfa> (data obrasheniya: 15.10.2013).
15. Yanık L. K. Constructing Turkish 'Exceptionalism': Discourses of Liminality and Hybridity in Post-Cold War Turkish Foreign Policy // *Political Geography*. 2016 30, № 2. Pp.80–89.